

Протоиерей Владимир Гофман

НИКЕЯ

Персиковый сад

Рассказы

Владимир Гофман

Персиковый сад (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4747266
Персиковый сад: Рассказы.: Нукея; Москва; 2012
ISBN 978-5-91761-161-7

Аннотация

Можно ли говорить о насущных проблемах бытия человека, о выборе им истинного жизненного пути легко и просто? Можно, доказывает протоиерей Владимир Гофман своими замечательными рассказами. Одни, трогательные, берущие за сердце, с ностальгической грустью повествуют о недавнем еще прошлом, когда духовные и душевные ценности почитались превыше всего. Другие, иронично-веселые, рассказывают о незнакомых многим «бытовых» сторонах жизни нашего духовенства. Третьи, глубокие и пронзительные, говорят об ответственности человека за свою жизнь, ибо ей грядет продолжение... И все эти рассказы, прекрасно написанные, объединяет одно – удивительная, светлая человечность...

Содержание

Дорогой читатель!	4
1. Светлые ключи	5
Свет несказанный	5
Утренник	5
Животворящий Крест	5
Избушка	9
«Ванька-ключник»	10
«Наслещики»	12
Светлые Ключи	14
Из рассказов бабушки Маши	18
Икона	18
Раечка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Протоиерей Владимир Гофман

Персиковый сад

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства "Никея".

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте

www.nikeabooks.ru

Спасибо!

1. Светлые ключи

Свет несказанный

Утренник

Тугие струйки молока звонко ударяют в стенки подойника. Этими звуками всегда начинается утро. И, как обычно, не хочется вылезать из теплой постели, умываться на дворе ледяной водой из подвешного рукомойника, ойкая и подпрыгивая от холода. Но бабушка на этот раз неумолима – даже не напоив чаем, берет меня за руку и ведет, сердитого и хмурого, за собой в поселок.

Солнце еще не взошло, только вдалеке за полем над деревьями разливается бледный, анисовый какой-то отблеск. И кажется даже, будто воздух пахнет яблоками.

Свежо и морозно. Трава, сверкая легкой изморозью, поскрипывает под ногами. И вот уже мое плохое настроение вместе с остатками сна растворяется в хрустком веселом воздухе.

– Утренник, – говорит бабушка, неопределенно махнув рукой. А мне смешно, потому что я знаю: утренник – это праздник в детском саду, с красными флажками и песнями под гармошку слепого дяди Леши.

– Утренник, – повторяет бабушка. Мое маленькое сердце еще не умеет восхищаться и даже не знает, что это такое, оно, может быть, в первый раз сладко сжимается от непонятного, необъяснимого, удивительного ощущения Красоты.

Тот утренник остался во мне навсегда. Больше всего на свете я люблю эти часы, когда солнце еще не растопило серебряных нитей на траве и кустах, тонкой пороши на железных крышах домов, когда воздух пахнет свежей землей и яблоками – анисом, тем самым анисом, который я так любил собирать под старой яблоней в саду за домом.

И мне все кажется, что и сегодня в каком-то другом измерении, вне времени существуют и алые снегириные перья зари на густой синеве неба, и неподвижные большие деревья, и старуха с мальчиком, идущие по полю... И тишина стоит там такая, какой не бывает на свете. Из всех звуков только хруст травы под ногами – ломкой, точно стеклянной, прихваченной ночным молодым морозцем...

Мы идем в церковь на утреннюю службу. Бабушка ведет меня к причастию...

Животворящий Крест

Осенью, когда по деревне полетели первые легкие паутинки, я заболел. Бабушка сказала, что перекупался в речке. Но это не так. Потому что перекупаться вообще нельзя, недокупаться – это я еще понимаю, а перекупаться – нет.

Подхватил я воспаление легких. Никому такого не пожелаю: что хорошего валяться две недели в кровати? Да еще с высокой температурой! А когда пытаешься встать, комната так и плывет – стол на потолок уходит, божница с иконами – под окно. И ноги слабые, не держат. Так что не успеешь и шагу сделать, как опять в кровати оказываешься.

Помню сквозь жар, как приходил фельдшер из поселка, слушал меня трубкой и качал головой. На голове у него волос мало, и легкие они, словно пух, – так и хочется подуть на них, как на одуванчик. Я и собираюсь подуть, но бабушка грозит мне пальцем. Имя у фельдшера чудное – Капитон, Капитон Евдокимович.

– Дело нешуточное, – говорит фельдшер бабушке. – Да, нешуточное... Гм... Надо бы в больницу его, – и кивает на меня. – В район.

Бабушка сокрушенно охает.

– Да как же, батюшка, в район-то? Как один там мальчонка-то будет?

– Не хочу в больницу! – кричу я и вдруг, сразу ослабев, засыпаю. Что было дальше, не помню.

В больницу меня бабушка не повезла, лечила сама как умела. Хуже всего ночью. Я брежу, и мне часто снится один и тот же неприятный сон. Будто смотрю я от реки на тропинку, которая сбегает с горы, а по той тропинке, вернее, наперерез, голый человек толкает перед собой огромный короб, в котором горит огонь. Короб медленно движется, а языки пламени так и рвутся из него, даже меня, хоть я и далеко, обжигают.

Я просыпаюсь весь в жару. Бабушка сидит на краю моей кровати, подперев кулаком голову. В комнате темно, только лампадка у образов чуть теплится.

– Что, мой мальчик? Чего тебе хочется? – спрашивает бабушка, заметив, что я проснулся.

– Калины, – шепчу я, облизывая сухие губы и снова закрывая глаза.

Да, калина меня, можно сказать, на ноги и поставила. Бабушка толкла ее в большой глиняной кружке, добавляла меду и давала мне. Я ем сладко-горькое месиво, и мне становится легче.

Когда я не сплю, бабушка тихонько поет песни, рассказывает стихи и разные истории, до которых я большой охотник. Одна из таких историй – о Животворящем Кресте – особенно врезается мне в память.

Произошло это давно, когда еще бабушка была маленькой. Ну, лет сто назад, наверное, не меньше. Недалеко от нашей деревни есть село. Я его знаю, проезжали на автобусе, когда летом ездили с бабушкой в район. В самом центре села и сейчас еще стоит колокольня, высокая такая, из белого кирпича. А раньше, рассказывала бабушка, и церковь стояла. Знаменитая была церковь, ее построили еще при князе Пожарском в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня. И хранился в этой церкви чудесный крест. Он и в церковь-то попал чудом. Будто бы однажды проходил недалеко от села через болото слепой человек да и стал тонуть в трясине. Совсем было уж утонул, как вдруг ноги его почувствовали опору. Так и спасся. Пришел он потом в село и рассказал обо всем. Мужики, конечно, собрались поглядеть на то место. Залезли в болото, известно ведь, охота пуще неволи, нащупали ту опору и достали из трясины... крест.

– Большой такой крест, выше человеческого росту, – рассказывает бабушка, а я слушаю затаив дыхание, даже про калину в кружке забываю. – Да, выше, сама видела. – Она крестится на образа. – Раньше на праздники тот крест по домам носили, по всем деревням, бывало...

– А зачем по домам-то? – спрашиваю я.

– Так чудодейный был крест-то. Болящим исцеление приносил, бедным – утешение. Занесут его в избу, батюшка кадит, и все поют: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»

– Баб, а в болоте-то крест не сгнил, что ли?

– Нет. Так ведь не простой был тот Крест, животворящий, святой. Помню, сосед наш Матвей Иваныч – ноги у него не ходили – приложился ко Кресту – и, что бы ты думал, пошел ведь! Да... Бывало, приносят Крест в деревню, в иную избу запросто занесут, а в иную – хоть и большая изба, и ворота широкие – не идет Крест, и все тут!

– Почему?

– А потому, родное сердце, что и в малой избенке праведные люди жить могут. В такую, значит, и Крест входит без труда. А другая изба что твои хоромы, да живут в ней люди недобрые – так и не пойдет в нее Крест. Понял, что ли?

– Понял.

– Вот и ладно.

– Хорошо бы к нам этот Крест сейчас занести, я бы тогда скоро поправился!

– Конечно.

– А он в наш дом вошел бы?

Бабушка вздыхает:

– Это, мой мальчик, один Бог ведает.

– А ты как думаешь?

Она гладит меня по голове. Рука у нее прохладная, так приятно ощущать ее на горячем лбу!

– Вошел бы, думаю, вошел бы, – отвечает она.

Я закрываю глаза, и бабушка замолкает.

Так мы с ней часто беседуем. Иногда сквозь сон я вижу, как она встает, тяжело вздыхая, опускается на колени перед иконами и начинает шепотом молиться. Молится бабушка долго, я почти никогда не могу дожждаться, когда она поднимется с колен, засыпаю.

И вот однажды ночью, когда я наблюдал за бабушкиной молитвой, меня как кипятком обдало: а ну как бабушка умрет?! Раньше я никогда об этом не задумывался, и теперь сердце мое пронзает неведомая прежде жалость. Я представляю бабушку, лежащую в гробу, со свечкой в руках, наподобие бабки Гани, нашей соседки, которая умерла в начале лета, и мы со Славкой ходили на нее смотреть.

Слезы текут у меня из глаз, и я, как ни креплюсь, всхлипываю.

Бабушка слышит это и подходит к кровати.

– Что? Что с тобой? – спрашивает она, наклоняясь надо мной.

Я не отвечаю, уткнувшись в подушку.

– Да скажи ты мне, наконец, родное сердце, что стряслось-то? – тормозит она меня за плечо.

Немного успокоившись, я поворачиваю к ней голову:

– Баб, а ты... умрешь?

– Я?... Ну да, конечно, умру когда-нибудь.

– Не скоро?

– Уж как Бог даст. Что это ты вдруг?

– Да так... А почему люди умирают?

– Вот те на! Почему умирают... А как же иначе? Смерти никто не избежит, так Господу угодно.

– Зачем?

– Это не нам знать. – Бабушка молчит какое-то время. – Да и не надо знать-то... Живи на свете по заповедям Божьим да моли Его о мирной и непостыдной кончине – и весь наказ тут. А час придет, так и умрешь, как полагается.

– Значит, Бог жизнью распоряжается? – спрашиваю я.

– А то кто же? Конечно, Он, Господь наш, и жизнью, и смертью.

– И Он может сделать так, чтобы человек долго жил?

– Может. Он все может. Да будет тебе, спи, не задавай вопросов, они от лукавого.

Я замолкаю и начинаю обдумывать одну мысль, которая пришла мне в голову во время разговора. «О чем бабушка молится? Чего у Бога просит? Наверное, хочет, чтобы не торопился посылать ангела по ее душу. Точно. А то, если она умрет, я с кем останусь-то? Папа с мамой когда еще приедут! Значит, надо и мне попросить Его за бабушку. Детская молитва скорее дойдет – так бабушка говорит. Попрошу, чтобы бабушка жила долго-долго! Только вот сделать это надо так, чтобы никто не видел и не слышал. Кроме Бога, конечно». И я решаю помолиться, когда бабушка куда-нибудь уйдет.

Такой случай долго не представляется. Я уже стал помаленьку вставать с кровати, и комната больше не кружится у меня перед глазами. Дело явно идет на поправку. Я брожу по дому, гляжу в окно на молодой клен возле плетня, который, пока я болел, стал совсем красным, просто огненным. Ветер срывает с клена листья, и они, кружась, падают вниз. Целая груда нападала, даже травы не стало видно.

И вот где-то в конце сентября бабушка собралась в церковь.

– Я быстро обернусь, – говорит она. – Ты уж один посиди, ладно? А то хочешь, я Славку приведу?

В другое время я бы обрадовался, но сейчас друг Славка не входит в мои планы.

– Нет, – отвечаю я. – Посижу один. А Славка пускай вечером придет.

– Ну, как знаешь. А мне надо к празднику. Большой нынче праздник-то – Воздвижение Креста Господня.

– Это про который ты рассказывала?

– Нет. Крест другой, конечно. На нем Спаситель был распят. А мать царя Константина, Елена, нашла Крест на Голгофе.

– А тот, из болота, где теперь?

– Бог весть. Сказывали, в музее его поставили. Не знаю. Кто сейчас разберет? Церковь давно разрушили, одна колокольня в небо перстом торчит... Спаси, Господи, люди Твоя...

– Ну ладно, иди, а то опоздаешь на праздник.

Я вижу в окно, как бабушка идет мимо дома и сворачивает за угол на дорогу, ведущую в поселок. Потом задерживаю занавески на всех окнах, чтобы никто не подглядел, как я буду молиться.

На божнице у нас стояло много икон: старые, большие и темные, и маленькие, картонные, совсем новые, их бабушка приносила из церкви. Из всех образов я знал Спасителя, Богородицу, Николая Чудотворца и еще батюшку Серафима с маленькой иконки, на которой он был изображен стоящим на коленях в лесу; рядом с ним лежал топор.

Я нахожу спрятанные бабушкой спички, зажигаю свечу, а от нее, как учила бабушка, лампадку перед образами. Потом опускаюсь на колени и смотрю на лики святых, не зная, кого же из них просить за бабушку.

В доме тихо, только часы-ходики за перегородкой громко тикают. Остановив свой выбор на Николае Чудотворце, я, глядя на темную икону, на которой едва просматривались кресты на одежде старца с высоким лбом, держащего в одной руке книгу, начинаю вспоминать молитвы. Твердо помню я две – «Отче наш» и «Богородицу». Еще «Верую», но не всю, а только до слов «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребена...». Что потом, запомнить не мог. Но эти молитвы как-то не подходили к тому, что мне нужно. На всякий случай я негромко прочитываю их, а как быть дальше? С божницы на меня строго смотрят лики святых, я чувствую смущение и страх: вот собрался попросить бабушке долгих лет жизни, а как это сделать, не знаю. Главное, с чего начать, как обратиться к Николаю Чудотворцу? Просто Николай – боязно, все-таки старый уже человек. Дядя Коля – к святому так, пожалуй, нельзя. У меня даже голова начинает немного кружиться, и на глаза наворачиваются слезы.

В конце концов я решаю, что, какие бы слова я ни произнес, на Небе меня все равно услышат и поймут: там же известно, что я еще маленький и не все молитвы знаю. И еще я даю себе слово, что обязательно спрошу у бабушки, как надо молиться Николаю Чудотворцу.

– Батюшка Николай Чудотворец! – начинаю я. – Сделай, пожалуйста, так, чтобы моя бабушка, – я называю ее имя, – никогда не умерла... То есть нет, если так нельзя, то пусть живет долго-долго...

Тут я вспоминаю о маме и папе. Как-то нехорошо получается: за бабушку прошу, а за родителей нет. И я добавляю:

– И еще папа с мамой пусть долго живут... И никто из них не болеет. Особенно бабушка, потому что она уже старенькая, у нее ноги слабые и сердце. Но я ее очень люблю и жалею, поэтому ты помоги мне – пусть она живет еще много лет. Бабушка добрая и всегда Богу молится... и тебе тоже. Я же вижу, как она ночью кланяется иконам. Сделай так, батюшка Николай Чудотворец, и я всю жизнь буду тебя любить и свечки тебе ставить, а как молиться тебе, я у бабушки спрошу...

Сердце мое сжимается, и я начинаю плакать. Строгие лики на божнице заколыхались и превратились в сплошное светлое пятно, в середине которого яркое сияние от лампадки. Говорить я уже не могу, слезы катятся из глаз горохом, и я вытираю их со щек обеими руками. Но они все катятся, горячие и соленые...

Вечером, когда бабушка, подоив корову и протопив печь, садится ко мне на кровать, я спрашиваю:

– Баб, а как Николаю Чудотворцу молятся?

– Как молятся? Да как всем святым. Что это ты вдруг?

– Так... Молитва же, наверное, есть специальная?

– Ну да. Конечно, есть. – Бабушка внимательно на меня смотрит. – И не одна.

– Скажи мне.

– Слушай, вот какая молитва. – И она начинает говорить слова, а я про себя повторяю их за ней: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

– Значит, если у него попросить, он потом Богу передаст?

Бабушка улыбается и гладит меня по волосам:

– Вроде того. Он за нас Христа молит.

Скоро я засыпаю, и в ту ночь мне не снится голый человек, толкающий короб с огнем. А снится, что в наш дом занесли Животворящий Крест. Он огромный, но в комнате помещается свободно. Возле Креста стоит невысокий высоколобый старик в сверкающих одеждах с крестовым воротником. В одной руке он держит раскрытую книгу, а в другой блестящее кадило на цепочках. Ласково улыбаясь, старик размахивает кадилом, из которого сизыми клубками вылетает дым, и я чувствую тонкий запах ладана.

Я крепко сплю до самого утра и просыпаюсь совсем здоровым.

Избушка

Над запрудой, в молодой березовой рощице, сквозной и веселой, стояло неказистое, точно из земли выросшее строение об одном оконце, прорубленном в бревенчатой боковой стене. Дом не дом, сарай не сарай, а так, избушка на курьих ножках. В деревне у нас ее избушкой и называли.

Мы, мальчишки, побаивались ходить через запруду вечером. В густеющих сумерках темное строение среди белых стволов казалось похожим на большого зверя, притаившегося в ожидании чего-то. Рассказывали, будто старая Августа, что жила на краю деревни у самого оврага, видела раз ночью, как с неба упал в рощу огненный сноп. Неспроста он туда упал, это всем было ясно: уж конечно, здесь по ночам собирается вся нечисть – ведьмы, лешие, домовые. А что, самое подходящее для них место.

Была у избушки своя загадка, была. Ну, хотя бы то, что в деревне никто не помнил, когда и зачем избушку эту срубили. Мы и у Августы спрашивали (а она в деревне самая старая) – нет, и она не помнила. Сколько живу, говорит, столько и стоит на этом месте избушка. Лет сто, значит, а может, и больше. Мы и про сноп огненный у Августы спросили, только она ничего нам не рассказала.

– Какой сноп? Да вы что, не видала я никакого снопа... Идите-идите, архаровцы!..

Врет, старая! Не хочет признаться. Но мы с моим другом Славкой набрались храбрости и три вечера кряду лежали в зарослях бузины, ждали, когда стемнеет и упадет с неба в рощу огненный сноп. Никакого снопа мы не увидели, но были уверены, что это непременно случается, только позже, когда нас уже загоняют по домам.

А днем в избушку мне заходить доводилось. Ищешь, бывало, бабушку, кто-нибудь из деревенских и подскажет:

– В избушку ступай. Там твоя бабка.

И вот бежишь по тропинке вниз сквозь ольховник, по мосточку осклизлому через запруду, а там слушаешь: если тихо, так назад сломя голову, если поют – идешь смело дальше. Сумрачно у запруды и прохладно. Огромная старая ветла склоняется над водой, сквозь ее густые ветви не пробиваются солнечные лучи. И тихо, только вода через запруду переливается: бульк-бульк, бульк-бульк-бульк, да из рощи – песня доносится, протяжно и светло. Это бабы поют в избушке – далеко слышать.

Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок распряжешь,
А сам тропой знакомою
В зеленый сад идешь...

Русская народная песня

С березок последние листья ветром обрывает. Там, за деревьями, поле – конца-краю не видать. А если встать на опушке рощи и смотреть туда, где поле переходит в небо, то чем больше смотришь, тем заметнее, что земля и впрямь круглая.

По-осеннему тихое, неяркое солнце бьет сбоку, и бродят по замшелой стене избушки причудливые тени. Когда песня, не страшно, только удивительно: никого нет, а голоса звучат. Будто избушка сама поет.

Открываешь с трудом тяжелую скрипучую дверь и осторожно ступаешь по земляному, утопанному, как камень, полу, на котором валяются очесы, стебли льна, а то и снопы цельные. По ступенькам узкой лестницы поднимаешься наверх. Тут вроде чердака, бабы сидят полукругом, раздергивают стебли на волокна – треплют и чешут лен.

Помню руки. Темные вены под кожей точно корешки молодой рябины, взятой из земли для пересадки. Старые руки, а быстрые, ловкие. Они живут как бы сами по себе. Бабы ведут разговоры неспешно, а руки так и порхают – делают свое дело. Уж на что Августа старуха древняя, а и у нее руки как у молодой, скорые, с тяжелым гребнем управляются – любо-дорого!

Работают бабы и поют. Одна песня сменяет другую. И знакомые, и такие, что по радио не услышишь. Этим песням, как и избушке, сто лет, наверно.

«Ванька-ключник»

Бабушка моя песен знает великое множество. Долгими вечерами сидим мы с ней дома, огня не зажигаем – сумерничаем. Поет она негромко и «На Муромской дорожке», и «Все васильки, васильки», и «Степь да степь кругом», и «От павших твердынь Порт-Артура», и «Гора Афон, гора святая» – много всяких. Одна песня особенная. Про Ваньку-ключника:

В саду ягода-калина,
Принакрывшись, расцвела.
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.

По радио другие песни поют. Громкие, бодрые, от них прыгать и бежать куда-нибудь хочется. А эта – не то. Когда ее слушаешь, кажется, тебя и нет вовсе.

А у князя был Ванюша,
Ванька – ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

С этим Ванькой-ключником у меня особые воспоминания. Бывало, запоем про него бабушка, а я так и вижу:

Вот идут, ведут Ванюшу,
Ветерочком кудри вьет.
А княгиня молодая
Потихоньку слезы льет.

Русская народная песня

Уж так-то мне Ванюшу жалко! Не ясно только, за что злой князь казнил удалого ключника. Спросишь у бабушки, а она:

- А за то, мой мальчик, что княгиня его полюбила.
- Ну так что?
- Как «что»? – теряется бабушка. – Чай, она была мужняя жена.
- Ну? – не понимаю я.
- Вот тебе и «ну»! – сердится она. – Грех, поди.
- Почему грех-то?
- Охти тебя! Вырастешь – узнаешь.

Ну и ладно. Не хочет говорить – не надо. Песню я все равно люблю. Виделся мне Ванюша в образе нашего деревенского плотника Мити. Тоже голова кудрявая, идет – шапка на затылке, лихо так сидит, а ветер волосы развеивает. И терем я видел, в котором «свет-княгиня» жила. Представлялся он мне той избушкой в березовой рощице, залитой тихим предзакатным светом. А наличники у терема были кружевные, как на окнах дома у Мити-плотника.

Печально и светло от тех песен. А еще – стихи. Старые. Таких в книжках теперь нет.

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Ф.Н. Глинка. Москва

Нараспев читает бабушка, и встают передо мной в темноте яркие картины никогда не виданной Москвы, и жжет в груди то от неясной тоски, то от острой жалости. Это когда про Стеньку Разина.

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступенькам
Бодрой поступью взошел.

Это ж надо! Ведь на казнь ведут! И не страшно ему? А может, и страшно, только он такой, Стенька-то, сильный и гордый.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

У меня перехватывает горло. Но я еще креплюсь.

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва...»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

И.З. Суриков. Казнь Стеньки Разина

Тут я плачу. Тихонько, чтобы бабушка не услышала. В темноте она не видит, как слезы горохом катятся по моим щекам.

– Еще, бабушка, еще!

Она кладет руку мне на голову:

– Что же тебе еще рассказать, мой мальчик?

И рассказывает, рассказывает. Поет своим старческим голосом...

В ту пору в деревне пели часто. Мужики, конечно, по праздникам, а бабы – и за работой. Не только когда лен трепали. Помню, с поля возвращаются – грабли на плечах – и поют, громко, заливисто. А то прибежишь, бывало, к бабушке за гривенником на кино, а ее звено снопы вяжет – золотые, тяжелые. Наставлено их домиками видимо-невидимо. Солнце садится. И свет над полем несказанный. И песни. Далеко разносятся они над жнивьем. Вспомнишь – и щемит, щемит в груди. Сладкая и чистая боль. Не боль даже, а нечто такое, что и словами не высказать...

– Так что спеть тебе, мой мальчик?

– Про Ваньку спой, про Ваньку-ключника.

– Ну, слушай...

«Наслещики»

По большим праздникам – на Рождество, на Пасху – дома у нас собиралось множество старушек из окрестных деревень. «Наслещики» – называла их бабушка, и я думал, что это от слова «наследить». После гостей оставался в доме беспорядок, хотя были старушки все чистенькие и аккуратные, ничего не ели, только пили чай из самовара с твердыми, как камень, баранками. Как-то спросил я у бабушки про эти «следы». А она рассмеялась:

– Полно, что ты, да какие от них следы?

– А почему тогда «наслещики»?

– Ночуют у нас, вот и наслещики. И мама моя, Царство ей Небесное, помню, тоже всегда так их называла.

Все же я эту загадку разгадал. Только позже. В школу уже ходил и однажды в каком-то рассказе наткнулся на слово «ночлежка». Тут и выстроилось в голове: «ночлежка» – «ночлежники» – «ноч лещики» – «наслещики». То есть те, кого пускают в дом переночевать.

Деревня наша в двух шагах от поселка, а в нем – единственная на всю округу церковь. Вот на большие праздники и стекается сюда люд из ближних и дальних селений. Отстоят службу, помолятся, подадут за упокой и за здоровье, а там назад, домой, километров за десять пешком, в какие-нибудь Таборы, Полубенки или Мортки.

В такие дни в доме у бабушки празднично. Почищены ризы у икон, масло в лампадке свежее затеплено, полы намыты и выскоблены добела. И вот «наслещики» появляются, на иной праздник с дюжину, не меньше, их у нас ночует. До всенощной сидят, потом уходят в церковь. Возвращаются утром, а то и к полудню. Чаю напьются – и в путь по заснеженным дорогам.

Но главное – пока сидят, сумерничают. Песни, бывает, поют, еще мной не слышанные. Вот про Митрофановское кладбище, например. Как отец на этом кладбище дочку свою зарезал по наущению злой мачехи. Жуть. Еще стихи читают, а чаще рассказывают истории всякие – про жизнь святых, мучеников. Помню страшный такой рассказ о том, как голову Иоанна Крестителя на блюде царю принесли. Много и о чудесах разных. Сидишь, бывало, в уголке и слушаешь, слушаешь, а по спине – холодок, мурашки между лопаток так и бегает.

– Ну вот, пришла ей, значитца, на второго сына похоронка, – притаенно говорит тетка Прасковья, постоянная «наслещица» из далекой залесной деревни.

У нее большая, что твоя горошина, родинка на носу. Из-за этой родинки сухое лицо тетки Прасковьи, с впалыми щеками и острым, выдающимся вперед подбородком, кажется очень добрым. Она и впрямь добрая. Всегда мне то пряник, то просвируку принесет. Вот продолжает она:

– Поплакала над похоронкой-то да и возроптала: «Как же, мол, так: и мужа убили, и сынков обоих! Куда ж Ты, Господь, глядел?! Я ли не молилась, я ли свечи не ставила?»... Тут нехорошо с нею сделалось – в сердцах к божнице кинулась, схватила икону, Николу, значитца, Чудотворца Мирликийского, да об пол. Только хрупнуло. Икона, конечно, пополам.

– Ох, батюшки! – восклицает кто-то из старушек. – Николу? Да неужто?

– Я тебе говорю, его, Угодника, – строго отвечает тетка Прасковья.

– Прости, Господи, грехи наши! – со вздохом восклицает густой голос из красного угла. Это Антиповна, тоже гостья частая.

– Дальше слушайте, – продолжает рассказчица. – Заревела она, сердешная, икону-то сложила и спать легла. А утром встала – что ты думаешь – икона на божнице цела-целехонька. Трещинки даже нету.

– Вот чудо-то! – шепчет рядом со мной старушка, такая горбатая, что даже сидеть, не опираясь на палку, не может.

А тетка Прасковья заканчивает рассказ:

– И ведь что, вернулся ее сынок-то. В плену был у немцев. Да... Только сама она с той поры маленько не в себе стала. Ходит по деревне и все шепчет, шепчет. А то молиться начнет прямо среди улицы...

И других историй полно. О ведьмах, домовых, всякой разной нечисти. Однако реже, да и то с оглядкой, с постоянным крестным знамением и поглядом на угол, где теплится лампадка перед святыми ликами. Там и Николай есть, Чудотворец. Потемнелая такая икона, старая, наверное, очень. На ней седой старик с крестовым воротником. Уж так хотелось мне снять его с божницы да посмотреть – нет ли где трещинки. Да страшно. Рассказывала мне бабушка:

– Николу Чудотворца любят все и уважают. А то как же! Он ведь бедных защитник. В горестях и несчастьях первый помощник. Обратишься к нему с молитвой – если от сердца, не откажет, поможет завсегда.

Я к Чудотворцу обращался. Что-то стало мне казаться тогда, что бабушка моя скоро умрет, и я просил святого: пусть этого никогда не случится...

Прихода «наследников» я всегда ждал с нетерпением. Спрашивал у бабушки, когда придут.

– Вот погоди, – отвечала она, – праздник скоро, Покров, тут и пожалуют. А ты, чай, с нами к заутрене пойдешь?

– Пойду! – уверенно заявляю я.

Просплю, конечно. Пожалееет меня бабушка, будить не станет. И только два раза в году – строго, без никаких поблажек – водит она меня к причастию. Это в Великий пост и на именины.

Годы прошли. О ком сегодня молиться мне? О чем просить Спасителя?

Об исцелении души? Подай, Господи!

О детях моих, чтобы и у них в жизни была своя избушка в сквозной березовой рощице, и морозный анисовый утренник, и тихий свет над августовским полем? Даруй, Господи!

О душе бабушки, пребывающей там, в заоблачных полях, уставленных без конца и края золотыми снопами? «Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Из той, неведомой нам жизни пришла она ко мне однажды ночью и, присев на край кровати, заговорила таким знакомым, родным голосом, что тоска несказанная в последний раз проколола мое сердце.

– Ну, полно, мой мальчик! Все будет хорошо. Ты ведь уже большой и знаешь, что такое смерть. Не рви душу. Коли помнишь про меня, значит, я тут, возле тебя, рядышком. Я всегда буду с тобой в трудный твой и радостный час. Не плачь, мой мальчик. Вот кончается ночь, и утро высушит твои слезы...

Светлые Ключи

Назову деревню Светлые Ключи. Поселю в нее людей, дорогих моему сердцу. Живите. Рожайте детей и растите хлеб. Так было всегда, и так будет до скончания века.

Знакомьтесь, добрые люди.

Светлые Ключи – деревушка малая, тринадцать крыш. С трех сторон окружают ее поля, с четвертой – глубокий овраг, склоны которого заросли ивами, черемухой, гигантскими лопухами и крапивой. Невидимый на дне оврага, журчит по округлым камням среди кинжально острой осоки быстрый ручей. По левому его склону вытоптаны деревенским стадом тропинки, даже в жару влажные и вязкие.

За оврагом ровная большая поляна, за ней березовая роща. Стоял там когда-то барский дом да в лихое время сгорел как-то ночью дотла. С тех пор и поныне зовут это место Пожарище.

Если идти до поселка, который расположен в полукилометре от деревни, то надо спуститься с горы, потом перебраться по шаткому мостику через широкий в этом месте ручей, снова подняться по узкой тропинке в гору – вот вы и в Светлых Ключах.

Дома деревни смотрят друг на друга через улицу. Глухих заборов нет совсем, все на виду. Стоит дом, справа к нему двор пристроен, где скотина содержится, сен-ница тут же, за двором сад с огородом тянутся. На задах банька прилепилась. Каждый дом, конечно, на свой манер выглядит. Один бревенчатый, пегий от дождей, солнца и ветра, другой обшит рейкой и выкрашен яркой краской, чаще синей или зеленой, с наличниками белыми, как пена. На

одном крыша железная, на другом – шиферная. А у Мити-немого весь дом в деревянных кружевах, легкий, словно парит в воздухе. Чудо!

Плотник Митя не немой вовсе, просто говорит не очень понятно. Например, знакомясь, он хочет сказать «Митя», а получается «Мика». Однажды весной мальчишки запускали в ручьях вдоль деревни кораблики. Тут Митя проходил. Смотрел-смотрел на пацанов, увидел, что кораблям их простора и скорости не хватает, да и говорит:

– Подите на ку реку, там вода чегез веґх буглик!

Те глаза на Митю вытаращили и ну хохотать. А он рукой махнул и сам смеется. Лицо у него темное – где-то уж загореть успел, а морщинки возле глаз белые, как лучики, к вискам разбегаются.

Вообще прозвища в Светлых Ключах в ходу. Но что любопытно (как так получилось, никто не знает), однако половина деревни носит фамилию Никитины, а другая половина – Бобылевы. Это официально. А в жизни совсем по-другому. Зовут друг друга, как тут говорят, «по дедушке». Так, среди Никитиных есть Панкратовы, Луканины, Матвеевы; среди Бобылевых – Захаровы, Епишины, Лавровы, Николины...

Можно нередко такой разговор услышать. Приедет, например, к кому-нибудь из города внук, его спрашивают:

– Ты чей?

– Бобылев.

– Чей Бобылев-то?

– Я у бабушки гоцу, у Анны Петровны.

– А-а, Захаров, значит, так бы и говорил.

Но это не все. Немало прозвищ давалось в шутку, а то и по какой-нибудь приметной черте в характере, во внешности или благодаря случаю. Вот так Павла прозвали «пожарником», хотя он ни малейшего отношения к пожарному делу не имеет, поскольку работает на колхозной лесопилке. Но как-то раз Павел участвовал в тушении пожара – дом старухи Захаровой-Бобылевой горел – и будто бы очень отличился.

На прозвища никто не обижается, воспринимают их как должное. Да надо заметить, особо обидных и нет.

Конюха Серегу называют «рыжим». А уродился Серега не просто рыжим – прямо-таки огненным. Мальчишки, которые его, кстати, очень даже уважают и любят за то, что он допускает их к лошадям, распевают при виде него:

Рыжий красного спросил:
«Где ты бороду красил?»
«Я не краской, не замазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал».

А Серега и сам, бывало, добавляет в веселую минутку:

Красно солнышко взошло,
Мне бородушку сожгло!

А еще проживают в деревне два Александра, мужики в годах, при седине. Так вот, одного зовут Саня, а другого – Сашка. И того, который Саня, никогда не назовут Сашкой, а Сашку, в свою очередь, никогда Саней. Или такое: у колодца стоит дом, в котором живет Софья, просто Софья. А еще есть две Сони – Соня Большая и Соня Маленькая.

Вот и поди тут разберись!

Прошлым летом в Светлых Ключах провалился колодец. Лет тридцать служил верой-правдой – и вдруг на тебе! Вышли люди утром по воду – журавль в небо рвется, а сруб в землю ушел. Ну, пока мужики новый сруб ладили да землю копали, бабы потянулись за водой на забытый почти родник.

С войны из него воду не брали, он и затерялся, спрятался в густом разнотравье на склоне оврага под корнями старой черемухи. Но жил! Как колодец провалился, старик Арсентич пошел и расчистил родничок, выкопал под корнями яму и кадку в нее небольшую аккуратно опустил.

Хорошо возле родника. Тихо. Сквозь ветви черемухи солнце косыми лучами бьет, пахнет травой, землей мокрой. Самого родника и не слышно, только пчелы гудят... Придет какая бабенка, наберет воды да и засмотрится на красоту, что вокруг. Потом вздохнет, зацепит ведра коромыслами и айда – дела не ждут. Короче говоря, вся деревня на родник ходить наладилась, все черпали ведрами из Арсентичевой кадки, а в ней не убывало...

Утром над Светлыми Ключами еще можно услышать сухой дробный звук: данг-данг, дан-дан-данг... Это барабанка, развеселый пастуший инструмент. Доска на веревке да две палочки – куда проще! А какие коленца выстукивают на ней при умении! Далеко в рассветном воздухе раздается: данг-данг, дан-дан-данг.

И вот замычали коровы – пора! Овцы забеспокоились – открывайте ворота! День начался.

Собирается стадо. Невеликое оно в Светлых Ключах, но держится, не исчезает совсем. Хватает еще работы Сережке Синице, извечному пастуху Светлых Ключей. Уводит он стадо, и пустеет деревня до вечера.

Пастушья работа на деревне не из последних. Уважают тут пастуха, ценят. Сохранился еще обычай кормить его в очередь – дом за домом. В полдень, когда пригоняет Сережка стадо на стойло – так зовут пологий склон оврага под огромными старыми вязами, – несет ему очередная хозяйка обед. И почитает это за честь, каждой хочется накормить пастуха лучше, вкуснее, чем соседка. А Сережка ест, нахваливает, как, впрочем, и вчера.

Был Сережка из Бобылевых-Захаровых. Семейство большое – одиннадцать душ детей, Сережка – восьмой. Как перебивалась семья в те и без того несытые годы, сказать трудно. Но по миру не шли, дети у них всегда были опрятно одеты, и гордились они тем, что ничего не возьмут у посторонних. Поговаривали, будто бабка их клад нашла. Идет, дескать, она раз под вечер по Пожарищу, вдруг петушок из-под березки – порх! Откуда тут петушку быть? Да и странный он – росточком небольшой, а гладкий – перышко к перышку и будто медью отликает. Ну, старушка в первый-то раз на это внимания не обратила. Но когда дня через два этот петушок на том же месте ей опять повстречался, тут уж его разглядела. Испугалась маленько, а любопытство-то бабье верх берет. Она опять на закате к той березке, и снова петушок порх перед ней. А она с собой овса прихватила и давай его сыпать на тропинку, петушок – клевать. Так и привела домой. Только петушок в ворота – ударила она его по спине граблями и перекрестилась, он золотом и рассыпался.

Другие рассказывали, что достался Захаровым диван из барского дома, где бабка их в горничных служила. Стали обшивку на том диване менять, а внутри червонцы царские угольями горят.

Только это все сказки. Труд да руки золотые – вот и все богатство Захаровых. Отец, дядя Миша, в работе с темна до темна, мать – тоже, старшие помогают, да и младшие за ними тянутся. А золото... Да откуда ему в наших местах быть-то, кладов тут сроду никто не зарывал, про разбойников слыхом не слыхивал.

Это так бабушка Маша считает. Весь клад, говорит, руки работающие, да чтобы душа была незлая. А бабушке Маше не верить нельзя, ее вся деревня уважает за доброе сердце и светлый ум. Уж на что старики народ своенравный, а и те к Марье Петровне за советом идут.

Бабушка Маша – из Никитиных – живет в третьем доме от оврага. Две рябины у нее под окнами стоят и липа – сама сажала, на рождение каждого внука дерево. Домишко ее старый, в два окна, с крыльцом и двором. Над дверью в бревне врезана позеленевшая от времени медная иконка.

Старуха была совсем слепая. Она все сидела на завалинке, а рядом бегал ее городской внук белоголовый Вовка. Пробежит мимо бабушки – и стук ее ладошкой по колену:

– Я здесь, бабуса! – и снова задаст стрекача по деревне.

Досталось на веку бабушке Маше и горя, и радости. Горя, уж как повелось, больше. Помнила она старую жизнь, и рассказывать про нее была охотница. Управится люд деревенский с делами, и вот соберутся возле бабушки Маши и молодые, и постарше, беседуют. Что интересно, телевизоров тогда в Светлых Ключах еще не было. И слава Богу! Находилась и без того о чем поговорить, кого послушать.

Ах, бабушка Маша, бабушка Маша!.. Познакомил я уже людей добрых с деревней, названной мною Светлые Ключи, и ее славными жителями, на том бы и точку поставил, кабы не твои рассказы. Ну что делать? Посиди-ка, милая моя старушка, еще на своей завалинке, подставь лицо ласковому закатному солнцу – вон как заливает оно неярким светом бескрайнее поле, уставленное золотыми снопами. Порадуйся, родное сердце, жизни – хорош этот час! И говори, говори...

Из рассказов бабушки Маши

Икона

Иконку ту, что над воротами, свекор мой укрепил, Иван Панкратович Никитин. Давно это было, я не застала. Когда пришла в дом невесткой-то, Ивана Панкратовича, Царство ему Небесное, Господь прибрал. А изба его вот стоит. И иконка – Архангел Михаил на ней. Почистить бы надо – медная, позеленела, чай, вся. Да стара я стала, вижу плохо...

У нас в деревне иконы в каждой избе имеются. И не нынешние бумажные, а прежнего письма, и оклады на них – загляденье! Вон у Большой Софьи – Николай Чудотворец. Ризы-то так и горят! А у Павла – Спаситель. Лик строгий, а глаза добрые. Я хоть и давно не видела, а помню... Оно, конечно, замечательно, что к хорошим людям лики святые попали. В сохранности, значит, будут. И огонек возле них теплится, и человек молитву творит. Ино пропали бы иконы. Это ведь когда еще на церкви замки стали вешать да кресты с маковиц ломать, тогда люди и понесли по домам святые лики...

Такое время было, лучше и не помнить совсем. А все помнится, однако. Вот и у меня была одна иконка – самая мне, значит, дорогая. Господь мне ее послал. Сейчас расскажу, как дело-то было.

От нашей деревни до села минут двадцать ходу. Это теперь оно в запустение пришло, а прежде было знатное, село-то. На базары по понедельникам со всей округи народ ехал. Пять храмов Божьих. На Пасху, бывало, как зазвонят, далеко слышать: так и вызванивают, так и выводят – сердце заходится. Помню, году в тринадцатом... ну да, триста лет дому Романовых праздновали, и по Волге на пароходе сам государь император Николай Александрович проплывал, тогда во всех церквях по берегам-то звонили ой красиво! А дьякон Сергей басом: «О благочестивейшей государыне императрице Александре Федоровне...» Мороз по спине. Да... Все думали, а вдруг случится – и сойдет государь у нас в селе?.. Не сошел, понятно.

Ну так вот. Наша деревня, стало быть, приписана была к Крестовоздвиженской церкви. Служил там отец Александр.

А в дьяконах отец Сергей состоял. Видный такой, борода во всю грудь и голос: грянет басом – свечи в паникадиле дрожат. Дом у него на яру стоял возле церкви. Я чуть не каждый день у отца Сергея в доме бывала – носила молоко. Дьяконица, матушка Серафима Петровна, усадит меня, чаем напоит. Добрая женщина была, только уж больно тоненькая. У нас таких нету. Говорили, отец Сергей ее из самого Питера привез. И занятие себе выдумала – картины рисовала. На картинах тех места наши, село Светлые Ключи, люди разные, Волга... И все этак живо у нее выходило, как взаправду.

Вот у дьякона в доме, а точнее, в горнице у Серафимы Петровны, я ту икону и заприметила. Размером иконка-то небольшая, без риз, простая, а глядишь – не нагладишься. Дева Мария на ней. Стоит, сердешная, глаза опущены и как бы закрыты даже, одежда цвета спелой бузины и накидка с плеч на руки лазоревая. Лицо молодое совсем. А от лица того вроде сияния кругом слова написаны: «Радуйся, Невесто Неневестная». Бывало, приду с молоком и стою, смотрю на ту икону. А Серафима Петровна спрашивает:

– Что, Машенька, нравится? Любо?

Я кивну, засмущаюсь. Как не любо! Сердце щемит. Век бы глядела...

– Эта икона, Маша, «Умиление» называется. Любил ее батюшка Серафим, чудотворец Саровский.

Где уж мне такую иметь!..

А потом вот что было. Отец Сергей вскоре после революции умер, Царство ему Небесное. Жена его одна осталась, детей им Господь не послал. Тут голодно жить стало, ну, Серафима Петровна стала брошки девочкам разрисовывать. Красота! Девчонки ей за это хлеба носили, яблоч – кто что сумеет. Тем и жила.

Места у нас, известно, тихие, если что случится, на целый день разговоров хватит. А тут на тебе! Хоронили жену управляющего барина нашего Турчанинова. Сама-то я не видела – младшенькая у меня хворала, Катюша, – а сказывали, будто в дорогих нарядах лежала покойница, на пальцах словно бы перстни, сережки в ушах золотые, а на голове что-то навроде венца, в камнях. И откуда такое богатство?

Возле часовни склеп находился турчаниновский, туда ее и положили. А ночью трое молодцов возьми да и подломай склеп-то! На золото, видать, польстились. Я вот отродясь не видала золота этого самого. Ну, дочки кольца показывали, конечно, обручальные. И чего? Медь, если ее начистишь, лучше горит!

Так ведь что, поймали лихоимцев, а главным зачинщиком у них был Пашка Хореев, первый наш комсомолец-активист! Ну, это потом уже. А в ту ночь, как склеп-то они взломали, пожар случился – сгорел дом Серафимы Петровны, и она погибла в огне, Царство и ей Небесное. Все смотреть бегали – кто на склеп, кто на пожарище, – благо рядом. Тут уж и я не удержалась, оставила Катюшку у соседки, а сама – в село.

Прибегаю – народу полно. Дай, думаю, пройду по задам, там тропинка есть, от часовни прямехонько к дому отца Сергея. Иду себе и вижу, возле куста в траве светится что-то. Подхожу, наклонилась – Господи Иисусе – икона! Да ведь та самая – «Радуйся, Невесто Неневестная». Я чуть не сомлела. Серафима, думаю, Петровна мне знак подает. Села в траву и реву, как дура, а к иконе притронуться боюсь. Добро, никого на тропинке-то не было, а так что бы люди подумали?

Наревелась, икону прикрыла платком, взяла в руки – и домой. Так простоволосая и шла.

Вот такая история. Давно было, а помнится крепче, чем вчера. Ну а икона у меня с тех пор всю жизнь, почитай лет пятьдесят, в избе стояла. Дочек замуж ею благословила и сынков на войну... Всю жизнь Ей, Владычице нашей, молилась...

Что же, на все воля Божья. Отдала я икону. В прошлом году, на Николу вешнего. Зашла ко мне Соня Маленькая, пойдем, дескать, Марья Петровна, к обедне. А куда мне? Глаза-то плохо видят. Ничего, говорит, вместе дойдем. Вот и пошли мы. А в церкви нашей новый священник, отец Афанасий. Хорошо служит. Да и певчие на крылосе выводят стройно. А после обедни бабы рассказали, мол, скоро собор, что на горе, начнут восстанавливать. Уж и деньги будто бы собирают, и епархия обещает помочь.

Обрадовалась я: вот и пришло время иконе моей в церковь возвращаться. Там ей место. Пускай в доме Сына пребывает. А я что, все равно с моими-то глазами ничего не вижу. Но место, где она стояла, и так чувствую. Свет оттуда идет. И тепло.

И сердце щемит, как в молодости. Стою я и шепчу:

– Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице; но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная...

Пятерых ребятишек мне Господь послал. Двоих сынков да трех дочек. Младшенькая-то, Катюшка, в семнадцатом родилась. Год почти минул, как мужа моего Алексея Иваныча на германскую взяли. Ушел – и ни весточки, ровно в воду канул. Уж я его ждала. Не верила, что убили. Двое наших-то деревенских вернулись с войны, Павел да Егор. Как праздник, выпьют вина да и поют:

От павших твердынь Порт-Артура
С кровавых маньчжурских полей

Калека-солдат истомленный
К семье возвращался своей...

Т.Л. Щепкина-Куперник. На родине

Вот, думаю, и Алеша мой хоть бы калекой, а вернулся. Истомилась ждать-то. Бабы и присоветовали: сходи, дескать, к Рачихе. Она скажет, что с мужем твоим приключилось.

Старуха у нас жила, Анна Рачиха, в Пустошке, деревня так называлась за лесом, теперь ее и следа уж нет. Все знали, Рачиха знахарством да гаданием промышляет.

Ну вот, думала я, думала и раз под вечер, осенью, помню, дело было, завязала в узелок яичек с десятков и пошла.

Стемнело. Дорога недалняя, а все-таки жутко одной. Лес по левую сторону. Над ним месяц висит, красный такой, недобрый. Иду – боюсь. Узелок к груди прижала и молитвы шепчу – «Отче наш» да «Богородицу».

Дошла, однако. Изба Рачихи с краю стояла, у оврага. Гляжу – в окошке огонек. Значит, дома хозяйка. Стучу. Рачиха дверь мне отворяет:

– Проходи. Проходи, Марья-солдатка.

Как, думаю, она меня в темноте-то разглядела? Иду за Рачихой через сени, не видать ничего. Она меня за руку и ухватила, цепко так, пальцы у нее холодные, сухие, и ведет.

В избу вошли. Смотрит на меня старуха, а мне не по себе как-то. Уйти бы, да куда теперь денешься?

– Вот, – говорю, – гостинец тебе принесла, бабушка, а и ты мне помоги.

– Какая от меня, старухи, помочь, милая? – заныла Рачиха.

– Муж мой, Никитин Алексей Иванович, третий год вестей не подает. Как взяли на войну, так и пропал...

– То мне ведомо. А от меня тебе чего надо?

– Погадай, бабушка! До смерти хочу знать, что с Алешей сделалось... Пятеро ведь у меня, мал мала меньше!

– Ишь! – усмехнулась Рачиха. – Любишь, видать, мужа-то?

Я тут и заревела.

– Ладно, не вой. Такое наше бабье дело – ждать. Не реви, говорю!.. Увидишь сейчас сама все, да уж не обессудь, коли правда – горькая.

Взяла Рачиха два зеркала, поставила друг против друга и свечи зажгла меж ними. Пока она свечи двигала, устанавливала, я глазами икону ищу. Темно в избе-то. Только у печи лучина в светце над блюдом коптит. Перекрестилась потихоньку на левый угол. Тут старуха и говорит:

– Сиди молча, думай про мужа своего и гляди туда, – на зеркало показывает.

А в нем навроде коридора видно, свечами освещенного. – Поняла? – спрашивает Рачиха.

– Поняла, – шепчу, а губы со страху не шевелятся.

– Ну, жди.

Долго ли я так-то просидела, не знаю. Вроде и не страшно уж мне, мысли какие-то тягучие. И про Рачиху забыла. А глаза от того коридора в зеркале отвести не могу. Как приковал он меня. Гляжу, не моргну даже. И вот будто колыхнулось что в глубине. Вижу, явственно так, из тьмы за свечами показался стол, а на нем гроб черный. Без крышки. И справа вроде как покров свешивается. Двигается тот гроб ко мне, ближе, ближе... Вот сейчас увижу, кто в нем лежит... Только в ту минуту так мне страшно сделалось, как никогда в жизни ни до, ни после не было. Я криком закричала да бежать! Не помню, как до дому добралась...

Рассказала бабам то видение. Говорят, тут и толковать нечего. Я и сама поняла уж, что нету моего Алеши в живых. Только сердцу не прикажешь – не верит оно в смерть.

Ладно. Поплакала я, помолилась и стала умом своим бабьим раскидывать, как дальше жить. О себе уж не думаю, детишек растить надо. Старшему моему, Саше, Александру Алексеичу, значит, – и ему нынче Царство Небесное, – тогда лет двенадцать было. По тем временам помощник: за плугом уж ходил да и по дому какая работа, все на нем, сердешном.

Что это я? Не про то ведь хотела. Жили не хуже людей. Голоду особого не знали. Земля-матушка прокормит, коли руки есть. Да... Сватались, конечно, и ко мне мужики. Было дело. Да только как вспомню Алексея Иваныча – и от ворот им поворот. Сначала пошептывались в деревне, а после, гляжу, с уважением ко мне и бабы, и мужики наши относиться стали. А мне и раздумывать некогда, хозяйство немалое – полон дом ртов, скотина опять же, огород...

Долго-то чего говорить. Выросли мои детушки. Все как один. Александр женился. Девку хорошую взял, красивую, работающую. Свой дом поставил. Работал в колхозе, тогда уж колхозы образовались. Пять деревень объединили – вот тебе и колхоз «Гудок Октября». Ладно. Другой мой сынок, Ванюша, Иван Алексеич – Царство и ему, соколу, Небесное, – тот по иной части пошел. Токарем работал в городе, это от нас километров шесть будет. Каждый день туда ходил в завод.

И дочки тоже. Аннушка в артели гладью вышивала, подзоры со скатерки строчила – любо-дорого. Филя – в колхозе. А Катюшка – эта к учению прилежной оказалась... Оно бы все ничего. В доме достаток какой-никакой. Внучок у меня появился. Димитрием назвали, Митюшкой, значит. Хороший мальчонка, синеглазый, волосы, как лен, мягкие. В Никитиных пошел, в дедушку. У Алексея тоже волосы шелковистые были, светлые...

Выровнялась будто жизнь. Да видно, Бог на нас разгневался. Опять германец проклятый на Россию двинулся. Александру повестка пришла вскорости. Ну да, сенокос в разгаре был, в июле, значит. Поревели мы с Варварой, невесткой, а что поделаешь?

Провожать Александра в военкомат я отправилась. Да Митюшка увязался. Шестой годок ему тогда минул. Путь не близкий, лугами вдоль Волги. С полдороги прошли, сынок и говорит:

– Ладно, мама, дальше не ходите.

Я не соглашаюсь, до конца, мол, проводим.

– Нет, не надо. Я быстро пойду. И тебе тяжело, и Митюшка устанет. А вам еще назад возвращаться. Так что давайте простимся тут.

Обняла я сынка. Сердце-то как ножом режет, но не реву, креплюсь.

– Возвращайся, – говорю, – Сашенька, живым и здоровым. Береги себя, а береженого и Бог бережет.

Только отпустила я его, перекрестить не успела, как Митюшка на грудь отцу кинулся:

– Папка! Папка, не уходи!

Маленький, а откуда силы взялись. Я его еле оторвала. Ташу за руку, а он вырывается и опять к отцу.

– Папка, не уходи!

Я уж и сама реву, ташу Митюшку, он мне руки в кровь искусал да исцарапал. Кричу Александру:

– Иди, сынок! Скорее иди. С Богом...

Он зашагал, а Митюшка опять вырвался и догнал его.

– Папка! – кричит, захлебывается.

Как чувствовал, что не увидит больше отца-то... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... Не помню, как и справилась с ребятенком. Дома только в память пришла...

Лето проскочило, а по осени письмо от Александра Варвара принесла. Под Москву ихнюю часть отправили. Он так и написал: «Попробовали московских булочек, которые сыпались с неба». Ясно, что за «булочки». Полгода потом писем не было, и вот бумага пришла из военкомата: «Пропал без вести». Надеялись, что живой, в плену, может. Да,

видать, ошиблись... Беда, не знаю ведь даже, где могилка сыновняя-то. И есть ли она, могилка?..

А тут и Ванюшка в скором времени на фронт ушел. Грешна, Господи, а только больше других деток моих любила я его. Самая жаль моя – Ванюшка. Он с малых лет кротким да ласковым был. Все в церковь со мной ходил, пение любил церковное слушать. И сам пел хорошо.

У Вани бронь была, с завода. А он уж больно рвался на войну. И ведь что выдумал! Раз утром, гляжу, на работу Ваня мой не собирается.

– Ты что, – спрашиваю, – никак заболел?

– Нет, мама, – отвечает, – не заболел.

А сам все ходит из угла в угол по избе, табак курит.

– Так ведь строго, – говорю, – ныне. Засудят тебя за прогул-то.

Посмотрел он на меня.

– Засудят. А я того и хочу.

Тут понятно мне стало, чего он надумал. По его вышло. Три месяца тюрьмы ему дали. А как вернулся, так вскорости и повестка пришла.

Не вернулся с фронта мой сынок. Царство ему Небесное и всем воинам, за землю нашу русскую павшим. Много их перед Господом предстало в ту лихую годину.

Помню, во вторник было, на Фоминой. Пошла я на кладбище родителей, как водится, помянуть. Самое доброе поминовение на Радоницу-то. Стою возле могилки, а тут моя младшая бежит.

– Пойдем, мама, домой!

– Что ты, Катюшка, чай, я только пришла! Еще к крестному на могилку схожу...

– Потом сходишь, пойдем!

Вижу, на ней лица нет, на Катюшке-то. Меня как ударило.

– Али с Иваном что?

Она молчит, за руку меня тянет. Я ни с места.

– Говори!

– Ты, мама, крепись...

– Убили? – спрашиваю, а у самой сердце падает, падает куда-то.

– Убили, – шепчет.

И стала я ровно каменная. В груди огнем палит, а слез нету. Пришли домой. Дочери сидят, и Варвара с ними. Письмо на столе лежит. Я читать не стала, молчу. Пол подмела, у печки управляюсь. Аннушка мне и говорит:

– Поплачь, мама, легче станет. Нельзя так...

Кабы могла поплакать-то! Уж потом прорвало. Пошла корову доить. Тут вспомнила, как Ванюшка мой молоко парное любил. Подойник уронила, уткнулась коровушке моей в бок, обняла за шею и дала слезам волю...

Умер Иван Алексеич в госпитале. Два раза его в бою ранило. В суматохе ему укол против столбняка забыли сделать, от того и помер. Страшная, говорят, смерть от столбняка-то. Все кости у человека ломает при полном сознании...

Схоронили его в селении Крестцы Новгородской области. В могиле номер три лежит. На обелиске имя его есть, мне из военкомата крестецкого писали. Знать, много там могил, коли номера. Не зря их братскими называют. А как же, все они братья, кто в бою погиб. Значит, и сынки мои. Так выходит. А я вот и съездить на могилку не могу. Куда слепой-то? Только и есть что помянуть в молитвах ко Господу. Простите мне, соколики!..

Раечка

...Не надо было мне впускать их в избу, прости, Господи, ряженных-то этих! Мой грех, мой... Думала, как лучше, а вышло, гляди, совсем наоборот. Вот расскажу по порядку.

В эту войну было. Декабрь студёный выдался. Как говорится, и холодно, и голодно. Оно бы все ничего, да остались в доме одни бабы – сынков-то моих на войну взяли. А дочки при мне, да... У меня ведь три их, дочки-то, так и управлялись.

Вот, помню, незадолго до Рождества приходит средняя моя, Аннушка, с работы, в стро-чевышивальной артели она трудилась, что в селе у нас за оврагом, и говорит:

– Можно, мама, я Раечку к нам домой привезу?

Я про Раечку эту уж слыхала, девчушку так звали, татарочку. То ли потерялась, не знаю, всяко в войну-то случалось. Вот и пристроили девчущечку в артель, там она и жила в сторожке. Аннушка сказывала, будто заболела Раечка крепко, а ухаживать за ней некому. Оно и понятно, у всякого в такую годину свои заботы. Да... Что ж, думаю, ртом больше, ртом меньше – какая разница, а все же за девчонкой догляд будет.

– Привози, – отвечаю, – чего уж там, привози. Чай, проживем.

На другой день сосед Павел Арсентич, инвалид, лошадку запряг, и съездили за ней. Я у печки возилась, слышу дверь: бух! Оглянулась – с морозу в избе пар, целое облако, а в нем Аннушка моя да с ней девчонка годов двенадцати-тринадцати. Тонюсенская, что твоя камышинка! Одни глаза вроде как во все лицо. Да, глаза... Глаза-то у нее большие были, черные, горячие такие...

– Здравствуйте, – говорит.

Вижу, стесняется девчушка. Надо, смекаю, с ней поласковой.

– Здравствуй, – говорю, – доченька. Озябла, поди?

– Иок, – отвечает, – и опять застеснялась. – Зима холодный.

– Ну, проходи, у печки вон погрейся. Скоро обедать станем.

Так мы с Раечкой и познакомились. Оно конечно, привязалась я к ней, жалела, видит Бог... Да и она поначалу дичилась, а потом ничего, пообвыкла и открыла сердце-то. Доброе оно у нее было, чистое. Все языку меня своему обучала, что как называется, как говорится.

– Исямисис, – говорит, – здравствуйте.

– Исямисис, – повторяю.

Она смеется. Будто колоколец серебряный по избе. И я за ней, грешница. Да... А хворь в ней все одно сидела, притаилась только. Чем болела Раечка, не знаю, а так, что-то вроде лихорадки какой. Днем ничего, а к ночи – как огонь, глаза-то, бывало, так и жгут, и ко лбу не притронешься. Уж я, грешница, по-всякому ее лечила: и баней, и травами – без толку. Знахарка была в соседней деревне, Рачихой звали, да померла на Казанскую, а фершал наш Кузьма Иваныч и трезвый-то ничего не знает, а уж пьяный так совсем дурак дураком. Правда, приводила его, оставил порошков каких-то, да я давать-то их Раечке побоялась.

Скоро совсем девчушке плохо сделалось – все больше лежала, к теплу тянулась, а то наоборот – жарко ей становилось, ровно в бане. Да... Личико-то осунулось, и ручонки, помню, поверх одеяла лежат тоненькие, прозрачные даже... Прости, Господи...

Тут Святки. Вот я и впустила тогда ряженных.

Война войной, а ребятишкам все одно надо. Ходят по деревне, где споют, где спляшут. За это им кто чего подаст: хлеба там, картошки горяченькой – все еда. Чем богаты, тем и рады.

И к нам заявились. Я было сперва не хотела впускать: на шумят, дескать, холоду нане-сут, а потом думаю, что же, пусть поглядит Раечка-то, может, сердешной и веселее станет.

– Открой, – говорю Катюшке. Это моя младшенькая. – Пусть заходят.

Их было человек пять-шесть. Война, понятно. Разве раньше так было! Помню, соберемся мы, девчонки, вечером, а мороз трещит, звезды колючие, снег под ногами что твой поросенок взвизгивает, и по деревне. А парни за нами... Ну, не про то речь. Так вот, влетели эти мальчишки, все в снегу, рожицы сажей вымазаны, у одного подушка под пальтишком засунута, другой в шубе наизнанку. Пляшут, визжат – чертенята, да и только!.. Смешно, хотя и заплакать впору. Да что там!..

Вижу, Раечка моя сначала вроде как испугалась, а потом, видно, поняла, что это игра такая. Смотрит, радуется, аж привстала на кровати-то. Щеки покраснелись, а глазенки – как твои фонарики. И в ладошки хлопает. Вот, думаю, и ладно – все праздник сердешной. Измучилась, чай, душа у нее на чужбине, без родителей, да хворость еще эта...

Ушли ряженные, я и спрашиваю:

– Что, Раечка, у вас, чай, такого-то нету?

– Йок, – отвечает, – нет, апа.

Это она меня так называла – апой. Бабушкой, значит, по-ихнему.

– То-то, – говорю. – Понравилось?

– Понравилось. Смешной мальчишки...

И легла спать, но успокоиться весь вечер не могла, крепко ее плясуны чумазные разволновали. Все расспрашивала, что за ряженные, зачем по домам ходят, ну и все такое прочее. Я сидела возле нее и рассказывала про звезды колючие, лучистые, про Рождество, Святки, про молодость свою. Она мне «Рахмат! Рахмат!» шепчет.

Уже я знала, что это по-татарски «спасибо».

– Да мне-то за что спасибо, доченька? Это вон ряженым...

– Я знаю, знаю, – говорит. – Ты, тетя Маша, хороший. У тебя сердце добрый...

И ведь дура я, дура, рассудила, на пользу, дескать, радость-то, на поправку дело пойдет. Ан нет. Совсем даже наоборот. После этого вечера в два дня, как свечечка, истаяла, Царство ей Небесное, хоть и некрещеной померла...

Последний наш разговор мне часто вспоминается. Вроде и никчемный разговор был, а вот запомнился крепко.

Утром Раечке полегчало. То все бредила, лопотала по-своему: «Эти!.. Эни!..» Это она маму с тятей звала, ну, как все дети. Да... А тут отпустила ее хворь. Лежит, помню, улыбается, покушала даже малость. Из окуньков, что Павел Арсентич принес, ухи я сварила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.